

Виктория Миско

Моя любимая нота

пишем вместе в феврале

16+

Виктория Александровна Миско

Моя любимая нота

Серия «Один рассказ в месяц», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64152911

SelfPub; 2022

Аннотация

Этот рассказ мы написали вместе с моими подписчиками в Инстаграме*. Каждый день я устраивала опрос у себя в сторис, и они выбирали, как будет развиваться сюжет.

И так в феврале появилась эта история о сбывшейся мечте пожилой супружеской пары.

*В 2022 году Инстаграм признали экстремистской организацией и запретили деятельность на территории РФ.

Виктория Миско

Моя любимая нота

Бабушкам и дедушкам, которые рассказали мне об особенной любви.

– Привет, дорогая, – мужчина открыл глаза в незнакомой квартире, поцеловал сонную жену и встал с кровати.

В комнате пахло новой мебелью – древесиной и свежей краской. Чистые простыни приятно похрустывали от каждого движения. После долгого перелёта мышцы были ещё очень напряжены, и женщина устало застонала, приподнимаясь на кровати.

Кирилл сидел на подоконнике, как подросток, поджав ноги к груди и мечтательно глядя на горизонт. Там, прямо над крышами пятиэтажек, рождался рассвет. Его первый рассвет в Лос-Анджелесе за долгое время.

Для такого момента Вера издала слишком громкий звук и теперь застыла без движения, надеясь, что муж её не заметит.

– Эти старикашки занимаются аэробикой в 6 утра, по-ихнему, – после небольшой паузы уточнил мужчина, взглянув на часы.

Кроме них и трусов-боксёров с изображением перцев чили на нём ничего не было, и Кирилл задумчиво потёр колено.

– Подумать только! Они вообще слышали что-нибудь про

артроз?! Посмотри, ты только посмотри! – он ткнул пальцем в стекло, целясь в конкретного пожилого мужчину в спортивном костюме. – Он задирает ноги, как двадцатилетний! Во даёт!

Вера подошла ближе и выглянула в окно.

– По-моему отличная аэробика.

– Отличная! – усмехнулся мужчина. – Скажешь тоже! Я бы никогда не встал в такую рань!

На телефоне, прислонённом к окну, шла запись видео, и тайм-код в углу экрана показывал 60 минут.

– Ты что-то снимаешь?

– Да, – Кирилл махнул рукой, как всегда делал, если его заставляли за особым проявлением чувств. – Это называется таймлапс, я видел такую штуку на YouTube. Это когда долго что-то снимаешь, а потом, в специальном приложении, ускоряешь видео.

– Неплохо, – женщина улыбнулась и посмотрела на экран. – Думаю, твой смартфон неплохо справляется.

– Ну так, – гордо кивнул он, не сводя глаз с процесса аэробики в соседнем дворе. – Смартфоон!

Когда у Кирилла сильно упало зрение, сын подарил ему телефон с большим экраном и такими же большими кнопками. Недолго думая, мужчина прозвал его "смартфон" и вот уже который год не соглашался ни на что менять. "Мой смартфон лучший!". Теперь этот телефон вёл запись самого зернистого и нечёткого таймлапса на свете, но Кирилл был

счастлив.

– Когда Дима увидит, на что способен этот аппарат, он и себе такой захочет!

Вера тронула мужа за плечо, и Кирилл замер. Его взгляд стал блуждать по пейзажу за окном, коснулся красного расцвета, холмов на горизонте и, когда женщина убрала руку, он выпрямил ноги, убрал телефон и спустился с подоконника. – Ты права, я занимаюсь ерундой.

Вера удивлённо взглянула на мужа.

– Я... я просто имела ввиду, что...

Кирилл поморщился, не желая дальше слушать. Его кисти сжались и тут же разжались, он пробежал пальцами по воздуху и взглянул на жену.

Он стоял перед Верой самый настоящий и честный и так же прямо смотрел в глаза, как на первом свидании на берегу океана. И Вера сразу поняла, что он чувствует. "Карим глазам нельзя верить", – как-то сказал Кирилл, но её они ещё ни разу не обманули. Ни разу, за все 45 лет знакомства.

– Думаю, твой таймлапс вышел отменным, – она вымеряла каждое слово, как сапёр, шагающий по минному полю.

– Не уверен, – буркнул он себе под нос. – Я уже ни в чём не уверен.

Бах!

Кирилл прошёл мимо неё, по-старчески шаркая ногами, и это походка никак не была связана с возрастом. Он был скорее одним из тех пожилых людей, кого можно увидеть

рано утром с палками для скандинавской ходьбы в руках. Собственно, это и был он. Каждое утро Кирилл просыпался раньше жены, тихо выходил в коридор и начинал делать зарядку. Где-то во время третьего подхода его дыхание становилось громче, и Вера просыпалась. Она всегда продолжала лежать в кровати, чтобы не спугнуть его утро. Каждому человеку нужно время только для себя.

К слову, это были верины самые любимые 30 минут. Тонкие занавески колышутся в такт утреннему ветру, солнце рисует силуэты окна на полу их светлой спальни. Она лежит в кровати и слушает его дыхание. Шумное, живое, близкое. Это осознание тоже не пришло к ней с возрастом. Она всегда умела ценить то, что он дышит. Часто это было единственным, что спасало её, вытаскивало из трясины отчаяния.

И поэтому сейчас, когда он вышел из комнаты, ссутулившись и тяжело дыша, она заволновалась.

На кухне зашумел чайник, заиграла музыка, послышались постукивания. Он сидел за столом, и его тонкие пальцы нервно бегали по столешнице.

"Отличная квартира", – подумала Вера, оглядывая спальню.

Они запланировали эту поездку очень давно, когда ещё не было сервисов по бронированию квартир и тренда на съёмку таймлапсов из путешествий. Они запланировали эту поездку, когда волосы Веры были гуще и пышнее, а Кирилл не носил очки с толстыми линзами. 45 лет назад они точно знали,

что снова окажется здесь. Вместе.

Вера несколько минут побродила по комнате, прислушиваясь к звукам на кухне. Вода мерно налилась в кружку, ложка звонко размешала сахар. Кирилл сел за стол, выпрямив спину и поставив стопы параллельно друг другу. Только тогда женщина открыла дверь и вышла из комнаты.

– Тоже хочу чай, – как бы ненароком бросила Вера, проходя мимо мужа.

Кирилл недоверчиво посмотрел ей в спину, и женщина дёрнула плечом, отгоняя лишние вопросы.

– Чай, Кир, чай. Говорю же, больше никакого кофе. – Прямо как сказал тот любезный доктор?

– Да, – ехидно ответила женщина. – Он меня убедил.

Она поставила чашку и села за стол.

Прямо напротив окна высоко к небу тянулись пальмы с узкими зелёными листьями. Небо отливало тёплой синевой. Вера посмотрела вокруг себя и в который раз попыталась осознать, что всё это не шутка.

– Мы в Лос-Анджелесе, дорогой...

Под столом она нащупала его ладонь и нежно прикоснулась. Кирилл замер.

Несколько секунд Вере казалось, что всё хорошо, и сердце уже принялось наполняться радостным теплом, когда мужчина вдруг закашлял, убрал руку и встал из-за стола.

– Нам пора.

– Пора, – удручённо произнесла женщина. – Прямо сей-

час.

– Угу.

– Хорошо.

Вера посмотрела на недопитый чай и несколько раз кивнула, чтобы собраться с силами. Сердце снова взволнованно затрепетало, в ушах зазвенело, и женщина распустила волосы, собранные в гульку.

– Красивая причёска.

Кирилл стоял в коридоре и смотрел, как Вера наматывает шарф вокруг тонкой шеи. Она подняла глаза, взглянула на мужа в зеркало и тихо улыбнулась особой улыбкой, в которую всегда вкладывала больше, чем просто благодарность. Женщина знала, как непросто ему сейчас даются такие слова, и поэтому улыбнулась ещё раз.

– Красивый макияж, – кивнул Кирилл.

"Как ты? Справляешься?", – прочёл он в её глазах.

– Думаю, мы всё успеем, – произнесла Вера вслух.

– Нестрашно, – отмахнулся мужчина, и она заметила, как дрожали его тонкие пальцы.

Они вышли на улицу и окунулись в американский февраль. Табло на соседнем торговом центре показывало 17 градусов тепла, и верхушки пальм покачивались от прохладного ветра с океана. Одной рукой Вера держала костюм Кирилла, упакованный в чехол, а другой придерживала подол своего

платья.

Мужчина глубоко вдохнул, от чего его грудная клетка увеличилась в два раза, и замер так на несколько секунд. Его пальцы бегали по тёплому воздуху, а нога отбивала ритм. Вера прекрасно знала, что за музыка сейчас звучит в его голове.

Ещё она знала историю о том, как Клара Форд каждую ночь держала керосиновую лампу в холодном сарае, чтобы её муж Генри мог заниматься своим изобретением. Когда никто в него не верил, Клара продолжала быть рядом.

И сейчас больше всего на свете Вера хотела бы молча взять керосиновую лампу и держать её всю ночь напролёт, лишь бы помочь Кириллу. Держать столько, сколько нужно, лишь бы он поверил в себя. Поэтому она просто стояла на тротуаре и ждала такси, внимательно, но ненавязчиво смотря на то, как Кирилл играет свой концерт февральскому воздуху.

Когда он поставил свой последний беззвучный аккорд и плавно опустил руки, Вера очень хотела заплодировать, но не успела.

– Ничего не получится, – выдохнул мужчина. – Я точно собьюсь, я всё забуду.

Ты видела, видела, что сейчас произошло?

Он сокрушительно хлопнул ладонью по воздуху.

– Я не смогу.

Вера относилась к той категории людей, которые всегда

могут найти, что сказать. Какой бы молчаливый она ни казалась со стороны, её слова всегда попадали в самую точку. Только не сегодня. Она стояла в центре мужской мечты и безуспешно пыталась отыскать в себе нужное слово, верное решение, но не было ничего в противовес его страху.

"Ты боишься, это нормально". "У тебя всё получится!". "Я понимаю тебя, я тоже очень сильно волнуюсь". "Я рядом, что бы ни случилось!".

Она молчала, чувствуя себя совершенно ничтожной, ни на что не способной.

Он молчал, чувствуя тоже самое.

Такси остановилось у обочины, и улыбчивый загорелый молодой мужчина добродушно помахал им в окно.

– Не нужно музыки, – тихо сказала ему Вера, присаживаясь на заднее сиденье.

– Окей, – с неизменной улыбкой бросил водитель через плечо и повернул выключатель проигрывателя.

Жёлтое такси ехало мимо домов, в окнах которых то тут, то там виднелись американские флаги. В машине с открытой крышей, которая поравнялась с ними на светофоре, молодые люди радостно распевали песни, подставив лицо ветру.

Кирилл сидел рядом с женой и барабанил пальцами по коленкам. Вера не сводила с него глаз. Его челюсти были крепко сжаты, плечи приподняты, он смотрел прямо перед собой и с каждой минутой всё более явно представлял свой провал.

В ушах звучал скрип отодвигающихся стульев, оскорбления, насмешки. Вера так хотела бы проникнуть к нему в голову и рассказать свой вариант развития событий, но он её не подпускал. Сейчас, больше всего на свете, Кириллу хотелось бы не мечтать об этом дне 45 лет.

Когда такси остановилось возле концертного зала имени Уолта Диснея, и журналисты окружили машину, Кирилл продолжал невидящим взглядом смотреть прямо перед собой.

Водитель в недоумении покосился на Веру в зеркало заднего вида. Он видел в Кирилле странного старика, и женщину это обидело. Её глаза, умело подведённые чёрным карандашом, сузились и осуждающе посмотрели на водителя.

Она была не из тех, кто осуждает людей. Лучше всего Вера умела прощать и вставать на место другого. Только не сегодня.

– Хорошо, я выйду здесь, а вы остановитесь возле входа для музыкантов.

Последнее слово она сказала с такой гордостью, что водитель тут же посмотрел на Кирилла совсем по-другому. Его подбородок вздёрнулся, он заметил журналистов и фотографов, которые невозмутимо заглядывали в окна такси. Рука повернула ключ зажигания, и женщина медленно, уверенно, вышла из машины.

На большом постере возле главного входа висел большой

портрет Кирилла. Вера прекрасно помнила ту фотосессию: тёмный фон, подсвеченный двумя рефлекторами, Кирилл в чёрном костюме и белые клавиши фортепиано. Он всегда выглядел естественно рядом с инструментом: и когда еле доставал ногами до педалей, и когда собрал 3000 слушателей на своём концерте в Петербурге. Веру восхищало это настолько, что она посвятила всю свою жизнь его музыке, его спокойной жизни.

Она стояла на тротуаре и смотрела на афишу, когда первый репортёр не выдержал и выкрикнул:

– Вера, а где Кирилл?

Журналисты всегда обращались к ним на "ты", и Вере это нравилось. И в это раз она снова кротко улыбнулась и опустила подол платья, который до сих пор держала в руке.

– Вот же он, – она показала на афишу возле входа, и журналист засмеялся.

– Скажите, это же очень важный для него концерт?

Вера на секунду смутилась, но она был из той категории людей, слова которых всегда попадают в точку.

– Очень важный, как и любой другой.

Её губы, покрытые тонким слоем лиловой помады, сомкнулись, и она загадочно улыбнулась. И сейчас только Кирилл смог бы заметить в этой улыбке страх. В журналах фотографию подпишут "Жена Кирилла в радостном предвкушении концерта мужа", и они посмеются над этим. Но не сегодня.

– Он уже внутри?

– Хотела бы и я знать, – пошутила Вера.

Таксист с опаской посмотрел на Кирилла.

– Как и просила ваша жена, вход для музыкантов, – он кивнул в сторону концертного зала.

Кирилл неуверенно взглянул на дорогу позади.

– Или это не жена?

Таксист был из той категории людей, слова которых часто звучат не совсем вовремя. Но в случае с Кириллом этот вопрос вдруг вернул его к реальности, и мужчина сурово свёл брови.

– Просто понимаете, – начал оправдываться таксист, – бывает такое, что мужчины... ну... в вашем возрасте.... А кто-то и раньше! Как бы устают от семейной жизни, и знакомятся с другими женщинами... ну вы поняли!

Кирилл не понял.

– Ну, знаете, не обязательно же каждому в жизни предназначен только один человек. Любви, как говорится, все возрасты покорны, и, в конце концов, вы солидный мужчина, в самом расцвете сил!

Кирилл слишком долго слушал эти размышления просто потому, что не мог решить, стоит ли ему выходить из автомобиля, и тогда таксист сказал то, что отмело у Кирилла всякие сомнения.

– Женщины с возрастом становятся скучными, некраси-

выми, их интересы начинают вращаться только вокруг готовки. Ну вы понимаете...

Кирилл снова его не понял. Вера никогда не любила готовить. Она любила его музыку. И он наверное слишком громко захлопнул дверь такси.

В концертном зале собирались люди. Кирилл слышал гул их голосов, пока стоял за кулисами, крепко держась за тяжёлый занавес. Он пытался обрести хоть какое-то равновесие, но даже вид рояля, который стоял посреди сцены, не успокаивал его, а наоборот. Этого Кирилл не мог себе простить.

Клавиши всегда имели над ним власть. Таковую, что в самом начале их отношений Вера в шутку ревновала его к музыке. Она вообще всегда его ревновала в шутку, со смешинкой в уголках глаз. " Настоящая ревность – это следствие неуверенности в себе и партнёре, а ревность в шутку – это как "я люблю тебя", сказанное другим языком".

Она умела признаваться ему в любви на тысяче разных языков.

Веру не выпускали журналисты. Из гримёрки Кирилл видел, как она стоит возле главного входа в окружении фотокамер и что-то весело рассказывает. Они давным-давно договорились, что перед выступлением ему необходимо побыть одному, и поэтому после пары-тройки фотографий Кирилл всегда удалялся за кулисы.

А она оставалась. Смеялась, шутила, рассказывала забав-

ные истории, чтобы потом листать журналы и закатывать глаза. "Они сфотографировали меня в момент, когда я смеюсь, как лошадь! Ну что за люди! А ты получился просто великолепно!".

Они договорились.

Кирилл поправил бабочку, приподнял руки, разыграл в воздухе гамму до-диез, и тогда в зале погас свет. Сейчас больше всего на свете ему хотелось быть спокойным, чтобы осознать, кем он стал. Но он не мог унять дрожь, пока шёл под звуки аплодисментов к роялю, со всех сторон окружённый софитами. Этот свет не позволял разглядеть зал, рассмотреть людей, которые пришли. Сердце в груди бешено колотилось, ноты в голове сбивали с толку. Это был далеко не первый его концерт и даже не самый большой. Он выступал перед президентом, выступал на съезде ООН, выступал перед своими пожилыми родителями. Он выступал сотни раз и всегда был спокоен. Только не сегодня.

– Помнишь, когда мы были здесь в первый раз? – его рука легла на крышку рояля, и он посмотрел в зал. Отсюда всегда можно было увидеть её.

Вера сидела в зале. Она смотрела на мужа, спокойно положив руки на колени. Кирилл прищурился, чтобы рассмотреть, улыбается ли она, но не увидел. Он знал, что улыбается.

Это был важный концерт. Концерт, о котором он мечтал. Концерт, дату которого он запланировал 45 лет назад. В день, когда они познакомились.

Это был февраль в Лос-Анджелесе. Концерт оркестра, в котором подрабатывал юный Кирилл. Он играл небольшую фортепианную пьесу, и это было всё, что тогда доверил ему директор. Но этого было достаточно, чтобы они с Верой встретились.

Она сидела на том же самом месте. И тогда он смотрел на её улыбку всё время своего короткого выступления, а она смотрела на него. И в конце, когда Кирилл встал, и люди, в ожидании выступления оркестра, скудно ему похлопали, она тоже встала, прошла через весь зал и вручила ему букет цветов.

– У вас всё получится. Вы будете великим музыкантом!

Кирилл кивнул. Она весело улыбнулась.

– Если это всё, то мы могли бы с вами выпить кофе в буфете.

Её улыбка его успокаивает, и она очень любит кофе. Это было первое, что он узнал о своей будущей жене.

Сегодня был важный концерт, потому что в тот день, за хлипким столиком в буфете, он пообещал, что через 45 лет сыграет для неё целый концерт в самом лучшем концертном зале Лос-Анджелеса. Она улыбнулась, и он поверил в себя. Тот самый день наступил. И Кирилл вдруг понял, кем стал.

Тысячи глаз смотрели на него, следили за тем, как его тонкие пальцы рожают музыку. Тысячи ушей ловили каждый

звук, каждый аккорд. Тысячи сердец находили в его музыке что-то своё.

Кирилл плавно переставлял руки, медленно качался в такт. Казалось, что в этот момент его тело проживает свою жизнь, общаясь при помощи музыки с самим Кириллом.

Подумать только, 45 лет назад он был просто оркестровым мальчиком на побегушках.

"Кем я стал!" вдруг возникло у него в голове, сверкнуло молнией неуверенности в себе. "Я вообще заслуживаю всё это?" оставило в голове пустоту. Вымело подчистую все ноты, всю музыку. Тело онемело.

"Я же говорил!".

В зале повисла тишина. Тысячи глаз смотрели на одного человека в костюме рядом с огромным молчащим роялем. Кирилл вдруг почувствовал себя брошенным, совершенно беспомощным. И эти несколько секунд были самыми страшными в его долгой жизни, пока он не разглядел в зале её глаза.

Вера сидела в зале. Она спокойно сложила руки на коленях и смотрела на мужа. Кирилл искал в ней признаки разочарования, но она улыбалась. Вдруг женщина подняла руку, будто бы держит в руке фонарь, и произнесла одними губами "До". И это могли понять только они.

Когда Кирилл объяснял маленькому сыну ноты, то, для лучшего запоминания, они придумали, что названия нот – это как имена маленьких гномиков. И вот первый – "До" –

нёс лампу, чтобы освещать другим путь.

– До, – пробормотал Кирилл, и тело поддалось, вспомнило.

Это был его самый важный концерт, самый лучший концерт. И, когда последний зритель вручил Кириллу цветы и рассказал о своей любви к его музыке, Вера подошла к сцене. У неё в руках был маленький букет с африканской протеей.

Кирилл наклонился и взял цветы.

– В тот раз букет был попроще, – весело заметил мужчина.

– Тогда и ты был музыкантом попроще, – пошутила Вера в ответ. – Если это всё, то мы могли бы с вами выпить кофе в буфете.

– Чай, Кирилл, чай.

Они ехали в такси домой. Кирилл сидел рядом с Верой, и она ощущала в его теле ту лёгкость, ради которой жила. Ту свободу, которую больше всего в нём любила. Мужчина барабанил пальцами по коленкам в такт радио, но делал это с присущей ему простотой. Игриво, честно, азартно. В уголках его губ светилась радость.

Вера собрала волосы в гульку и расслабленно опустилась на спинку кресла.

Над городом догорал закат. Небо градиентом переходило от дневной голубизны в темноту океана. Волны бились о берег. В окнах домов то тут, то там загорался уютный свет, и Вера наверняка чувствовала себя счастливой. Прямо сейчас.

– Остановите-ка, – вдруг произнёс Кирилл и добавил, обращаясь к жене, – мы выйдем здесь.

– Здесь? – Вера подняла подол платья и посмотрела вслед удаляющемуся такси. – Здесь...

Кирилл снял туфли, аккуратно стянул носки и босыми ногами встал на холодный песок. До воды было рукой подать, и стопы ощущали соль и влагу февральского океана. Прежде чем Вера успела напомнить ему о рекомендациях врача, мужчина хихикнул, словно двадцатилетний, и бросился к воде. В его седых волосах подпрыгивали последние солнечные лучи, и женщина совершенно забыла, что хотела сказать.

Она тоже разулась и осталась стоять где-то в центре самого счастливого дня своей жизни.

Кирилл остановился у воды, обернулся и помахал ей рукой.

– Идём, Вера! Наше свидание продолжается!

45 лет назад она уже слышала этот голос. Только более чётко.

Она подошла к мужу и взглянула под ноги. Океан замирал перед ними белой пеной, ластился, как ручной зверёк. И женщина слишком чётко для своего возраста помнила тот день 45 лет назад. Им было по 20 лет, и они не боялись, что однажды забудут своё первое свидание. Тогда они жили сегодняшним днём, потягивали глинтвейн и с чего-то вдруг обсуждали имена для будущих детей.

Страх забыть пришёл вместе с дальноркостью и тугоухостью, и сегодня Вера с облегчением поняла, что старость способна забрать и слух, и зрение, но не способна забрать любовь. И это было главным откровением этого дня для неё.

Когда ноги обдало холодной водой океана, Вера взвизгнула и выронила сумку. Кирилл засмеялся, потёр колено и наклонился, чтобы помочь собрать рассыпавшиеся вещи.

Их пальцы встретились над серым металлическим чехлом, и Вера с Кириллом посмотрели друг на друга. Где-то в центре самого счастливого дня в их жизни догорал закат. Волны шумели позади их наклонившихся к песку фигур. Мужчина заботливо стряхнул песок со своей ладони и прикоснулся к лицу жены. Его тонкие пальцы дотронулись до мочки её уха.

– Где аппарат? – неловко произнёс Кирилл, и Вера слишком быстро ответила: – Я думала, что ты не заметишь.

– Я заметил ещё в буфете, милая. То, как ты щуришься, когда плохо слышишь, сложно перепутать с чем-то другим. Я думал, что он в чехле, но чехол пустой... Ты его потеряла?

Он резко выпрямился и стал оглядывать тёмный пляж.

– Где-то здесь? Где-то здесь или после концерта?

Его карие глаза встретились с глазами Веры. И какого бы цвета они ни были, они тоже его никогда не обманывали.

– Я забыла его в Петербурге.

Но он и так это понял. И последовавшие за этим осознания почти выбили землю у него из-под ног.

– Как... ты...

Он уставился на серый чехол от слухового аппарата в своей руке, пытаясь осознать произошедшее.

– Ты же ничего без него не слышишь!

– Слышу, но плохо, – поправила его Вера.

– Очень плохо! – воскликнул Кирилл, всплеснув руками. – А... а на концерте!

Ты подсказала мне ноту, на которой я сбился! Но с твоего ряда...

Его глаза расширились, и в них отразилась вся синева океана. Или это были слёзы?

– ... это была самая тихая часть моего концерта... особенное диминуэндо в центре пьесы...

– Моя самая любимая, – вставила Вера, прижав сумку к груди. – До – моя самая любимая нота в твоём исполнении. Я знала, что если ты и собьёшься, то на моей самой любимой ноте, потому что взвалишь на себя не только свою любовь, но и мою.

Кирилл молча протянул ей чехол.

– Это был твой самый замечательный концерт, мой самый замечательный, потому что как бы плохо я ни слышала, я всё услышала. Потому что за 45 лет лучше всего я научилась тебя слышать, Кирилл.

– Но... я играл этот концерт для тебя...

Он повернулся к океану и поднял голову к небу. Тёплый февральский воздух щекотал его шею. В груди клокотали

слёзы, применение которым он никак не мог найти.

– Нееет, – серьёзно протянула Вера, – ты играл этот концерт для себя. Чтобы понять, кем ты стал. Ведь ты стал великим музыкантом.

Она стояла поодаль, обдуваемая ветром. Подол её платья намочила волна, потом ещё одна, но Вера продолжала стоять. Она точно знала, что сейчас Кириллу нужно побыть одному. Вдохнуть полной грудью, признать правду о себе, о ней, о них. Остаться на мгновение просто собой, во всём величии и великолепии. На миг возгордиться, наконец, полюбить.

Кирилл смотрел на тёмную полосу неба, которая переходила в океан. Вечер превращал воду в дикое живое существо, хранящее тайны и секреты, точно способные рассказать о жизни побольше Кирилла. Мужчина вдохнул поглубже и почувствовал соль на губах. Это был океан. Или это были слёзы?

Он смотрел вперёд и чувствовал, что не ошибся. Сколько бы раз он ни сбивался в своих фортепианных партиях, здесь он точно не ошибся. Это была его самая замечательная партия.

– Ты – моя самая любимая нота жизни.

Вера подняла голову к звёздному небу, улыбнулась и почувствовала соль на губах. Это был океан. Или это были слёзы?

Старость была способна забрать у них хороший слух и хо-

рошее зрение, но не отняла способность чувствовать рядом друг с другом особенное счастье. Особенное молчание. Особенную тишину. Особенности слёзы. Особенное счастье. Особенную любовь.

Пусть будет так. Мне хочется в это верить.